

Эдита Пьеха,
народная артистка
РСФСР

НАДО ЛЕТАТЬ!

С именем Эдиты Пьехи всегда связывается понятие высокой исполнительской культуры, вкуса, содержательности концертных программ. Наш корреспондент В. Качурин попросил певицу принять участие в разговоре «Музыка вокруг нас».

песням, с движением, массовками. И все же думаю порой, а где же ее, эту программу, покажут? Только в Москве, Ленинграде и других больших городах. А как же быть с периферией, с новостройками Сибири, Дальнего Востока, где артистов также ждут, где также желают услышать любимую песню? Эстрадный коллектив, на мой взгляд, тем и интересен, что мобилен, может показать свое искусство на переднем крае, в самых отдаленных точках нашей необъятной страны, куда не всегда доберется, допустим, театр с его громоздким багажом. Восемь месяцев в году мы проводим на гастролях. Недавно побывали у рыбаков Камчатки, у оленеводов Нарьян-Мара. Добрались до сцены, смотрю — там нет рояля, а я хочу спеть «Балладу о старом рояле». Расстроилась я тогда. Почему мы должны обделять этих гостеприимных, душевных людей только потому, что не живут они в столице? Ведь есть электронные клавишные инструменты, компактные и небольшие по объему, которые в дальних поездках с успехом могут заменить рояль. Нужна хорошая современная техника, аппаратура.

Выскажу и еще одну мечту. Хотелось бы иметь свою базу в Ленинграде, свой зал, словом, пристанище, где можно репетировать, когда душа желает. Тогда могла бы создавать по две программы за год. А пока, увы, мы репетируем в дороге.

Сейчас с музыкальным руководителем ансамбля композитором Юрием Цветковым мы выпускаем сразу пять новых песен, несколько неожиданных для меня. Процесс удивительный, сложный. Юрий Цветков хочет расширить мое амплуа, показать меня в новом свете.

— Вы всегда были верны интернациональной теме, патристической песне...

— За последнее время вместе со своим ансамблем я дважды побывала на гастролях в Афганистане. Для меня поездки эти стали серьезным испытанием хотя бы потому, что приходилось петь параллельно для советских воинов, выполняющих там свой интернациональный долг, и для афганской публики. Хотелось, чтобы песню не только услышали, а поняли и полюбили. Я для этого усиленно готовилась. Штудировала языки, исполнила на местных диалектах две песни. Гастроли продлились на две недели.

Там, на гастролях, родилась песня «Дорога домой» (музыка С. Косторского, стихи Е. Звонцова). Теперь эта песня прочно вошла в мой репертуар. В нем, как всегда, немало песен, посвященных борьбе за мир, ведь без этой темы не может обойтись эстрада в наше тревожное время.

— Эдита Станиславовна, вы по образованию психолог, педагог. Как вы считаете, что нужно сделать для того, чтобы приобщить молодежь к подлинным, а не мнимым ценностям музыкального искусства, как повысить культуру эстрады?

— Вряд ли тут скажу я вам что-то новое. Сейчас особенно много говорят и пишут о воспитании вкуса к музыке — легкой или классической. Непременно только в лучшем исполнении! Об этом должны думать в каждой семье, детском садике, школе.

Вероятно, еще больше интересных музыкальных передач должны давать телевидение и радио. Музыкальная критика должна дать бой песенному ширпотребу, вкусовщине, расхожим чужим ритмам.

Артисту надо почаще обращаться к самому себе, к пережитому, личному. Лишь тогда он сможет трезво оценить свои возможности, расценивать на доверие публики.

● Народная артистка РСФСР Эдита Пьеха.
Фото Н. Малышева [ТАСС].

— Эдита Станиславовна, на ваш концерт приходят люди, как на праздник. Как удается вам создавать этот праздник на сцене, в душе человека?

— Главное, на мой взгляд, научиться слушать публику, улавливать ее малейшее настроение. Помните песню «Огромное небо»? Там есть пауза, после того, как самолет взорвался и погибли летчики. Так вот, чем длиннее эта пауза, чем напряженнее тишина в зале, тем больше оснований у меня предполагать, что песня задела за живое, не оставила слушателей равнодушными. Я тишину люблю, пожалуй, больше, чем аплодисменты: слышишь не только биение собственного сердца, но и малейший шорох в зале, чувствуешь пульс и реакцию зрителя.

Уже скоро три десятка лет, как я пою с эстрады, но всегда волнуюсь, как девочка.

Много лет назад я поняла, что на эстраде не надо работать с антрактом, стала воевать с буфетами. Нельзя песню обрывать на полуслове. Это в театре действия меняются, а у нас программа, как полет. Траектория его — по возрастающей — все выше и выше. Когда достигли «потолка», концерт окончен. Тогда, пожалуй, иди в буфет и обсуждай в кругу друзей услышанное, делись своими впечатлениями.

Хорошая песня — это целый спектакль. Его нужно поставить. Дело тут не только в голосе солиста, в его исполнительских данных или, скажем, в наряде, котором во время концерта я меняю довольно часто. Успех в немалой степени зависит от того, с чем ты пришел на сцену, что хочешь сказать людям. Я остаюсь верна романтике, которая возвышает человека, не принижает жизненных явлений, а делает их более значительными, чем они, быть может, есть на самом деле.

«Надо летать» — так называется одна из моих программных песен. Летать во что бы то ни стало, поднимаясь над нашей бесконечной суетой, обыденностью, обстоятельствами. Артист должен оставаться в сфере чувств и эмоций. Да, у певица есть большая сила — сила воздействия на человеческие сердца. Хорошие концерты, живое общение с публикой меня как будто окрыляют. Как правило, в гастрольных маршрутах рождались мои лучшие песни.

— Ну вот вы приезжаете домой, в родной Ленинград и...

— И рушится воздушный замок. Начинаются дела. Я сажусь за телефон. Я хожу по учреждениям: «Здравствуйте, я импресарио Эдиты Пьехи». Аппаратура, свет и звук, репертуар, костюмы, съемки, запись... Все в основном лежит на мне. Порой мне кажется, что живу я по меньшей мере в трех измерениях. Вот Эдита — женщина, человек, к стати, бабушка уже: внуку моему три года. Вот Пьеха-артистка: за полтора часа до начала концерта сидит в гримборной, приводит в порядок прическу и платье, готовится выйти на сцену. Наконец, закрывается занавес. Эдита едет домой, и она уже администратор, ду-

мает, что еще достать, кому позвонить, что сделать. Надо уточнить репертуар к предстоящим гастролям, позаботиться о том, кто напечатает программки и напишет текст, достать на самолет билеты летом в южный город, «пробить» отдельные номера для своих музыкантов в гостинице, чтобы было им где репетировать... Это тяжело. И все это настолько выбивает меня из творческого ритма, состояния, что хочется кричать: я ненавижу делчество! Оно артиста делает холодным, равнодушным, не таким, каким он должен быть на сцене.

Почему так происходит? На мой взгляд, потому, что нет у нас сейчас, по крайней мере мало хороших администраторов, импресарио, которые могли бы разделить с артистом его тяжкую ношу в искусстве, взять на себя ответственность за эффективность, качество его труда на сцене. Однако нередко они с успехом делают с ним славу в «деловом» мире и считают ниже своего достоинства «работать на артиста», заботиться о нем. Был у меня директор Софья Семеновна Лаконо — 15 лет проработали вместе. Она, бывшая артистка цирка, прекрасно понимала свою роль. «Артиста надо любить», — говорила она. — Но не заискивать, не унижаться перед ним». Старые администраторы — это люди, которые жили в искусстве и создавали его. На моей памяти немало одаренных, способных певцов, артистичная судьба которых не состоялась во многом потому, что не было рядом с ними надежного импресарио, друга. Ну, а в себе самом артист, увы, далеко не всегда находит талант администратора.

— Сейчас расплодилось великое множество вокально-инструментальных ансамблей, много хороших, ярких певцов, интересных исполнителей в них можно перечислить по пальцам. Не огорчает ли этот вокально-инструментальный бум на состоянии современной эстрадной песни?

— Роль солистов на эстраде всегда была высока. Я еще застала на сцене немало известных певцов, таких, как Л. Утесов, М. Бернес, К. Шульженко, Л. Русланова... Каждый из них был и поныне остается для нас авторитетом, личностью. Их песни живут с нами, чего не скажешь, к сожалению, о заимствованных, чужих ритмах и модных шлягерах-однодневок, наводнивших сейчас музыкальный рынок. В том, что это произошло, мне кажется, повинны прежде всего руководители филармоний, которые воспринимают интерес публики к ансамблям только с коммерческой стороны. Нездоровый порой ажиотаж вокруг поп-музыки они используют для выполнения финплана. Появилось понятие «концертная площадка». Она вмещает больше зрителей. В эстрадном лексиконе вдруг возникло слово «сеанс». «Сколько сеансов даете?». Наконец, в погоне за выгодой, чтобы дать побольше «сеансов» в день, стали петь под фонограмму. Одно время, отправляясь на гастроли, скажем, в сельскую глубинку, где публика изголо-

далась по хорошей песне и с душой встречает любых исполнителей, музыканты так и говорили: «Едем на «чес», то есть «чесать деньги». Что же получается? Филармония план выполняет, но вкус у молодежи при этом музыкальным «чесом» не развивается, а, наоборот, становится примитивным. Потому что далеко не на лучших образцах, а на чистой арифметике держится музыкальное творчество таких гастролеров. И теперь уже все многочисленные ВИА, которые так похожи друг на друга, администраторы вынуждены выпускать на сцену, иначе «горит» план. Получается замкнутый круг, из которого нелегко выбраться.

— Где же выход из этого круга?

— Испытание временем выдержат те исполнительские коллективы, чью музыку и песни питают родники фольклора, которые воспитаны на лучших образцах нашей песенной классики. Пример тому «Песняры», «Ариэль», «Ялла», ряд других ансамблей, у которых есть свое лицо. Сейчас намечается бурное возрождение совсем было забытого джаза. Случайные музыканты забросили это занятие, а настоящие, верные поклонники джаза, как говорится, всем штурмам назло только выросли, повысив исполнительское мастерство. Так, возможно, будет и с ансамблями. Жизнь сама расставит здесь акценты. На эстраде останутся лидеры. Я вообще не сторонница поспешных административных мер на эстраде, но ведь такое тоже бывает.

Труд артиста — это непрерывный, изнурительный труд сердца, труд души. Оценить его по-настоящему может лишь благодарная, признательная публика. И все-таки обидно, почему эстрадные солисты получают высшую доплату за мастерство в размере 25 процентов к ставке, в то время как оперные, камерные певцы могут получать до ста процентов. Тем самым как бы принижается уже само значение эстрадного искусства.

В нашем коллективе действует четкое правило: не больше одного концерта в день. Я не планирую мой выступления во дворцах спорта. Возможно, это все временно. Но в огромных залах я не чувствую, аудиторию, слушателей, которых мне хочется обнять, обласкать своей песней. Я всегда завидую Алле Пугачевой, которая не боится масштабных представлений, смело идет на эксперимент, ищет новые формы работы на сцене. Я уже два года мечтаю о своей программе-ревю. Только чуть более камерной, в зале на двести тысяч мест, с балетом, который бы дал настроение